

ЖИЛЕНКОВ И.А.

**«Понятие власти»
Александра Кожева:
антропологическая
интерпретация феномена власти**

В статье анализируется философско-политическая концепция Александра Кожева, изложенная им в работе «Понятие власти». Раскрывается антропологический характер данной концепции, базирующейся на основных положениях кожевовской интерпретации «Феноменологии духа» Гегеля.

Ключевые слова: антропология, власть, метафизика, философия политики, феноменология, экзистенциальное.

Александр Кожев (Кожевников; 1902–1968), французский философ русского происхождения, получил известность благодаря своей оригинальной интерпретации философии Гегеля, оказавшей значительное влияние на развитие современной философской мысли. В работе «Понятие власти» (1942) Кожевом была изложена собственная философско-политическая концепция, рассмотрению которой посвящена данная статья. В имеющихся отечественных публикациях внимание исследователей сосредоточено прежде всего на критике кожевовской концепции, при этом не учитывается вопрос о специфике самого подхода А. Кожева к феномену власти¹. Этот вопрос получает освещение в предлагаемой статье.

Сначала мы изложим основные положения философско-политической концепции Кожева, а затем дадим к ней комментарий.

Свой анализ феномена власти Кожев проводит на трёх «уровнях» реальности: феноменологическом, метафизическом и онтологическом. Феноменологический план – это уровень явлений человеческой (или исторической) реальности. На этом

этапе применительно к феномену власти выделяются и анализируются все возможные проявления власти или их «чистые», не сводимые к другим виды. Такой анализ должен быть полным и систематическим, что обеспечивается переходом на метафизический уровень. Метафизический анализ, соотносящийся с описанием реального мира в целом, подтверждает, «соответствуют ли описанные феномены всем предлагаемым Миром возможностям»². Наконец, понимаемая под онтологией логика бытия позволяет прояснить метафизическую структуру реального мира. Помимо такого тройного анализа в «Понятии власти» содержатся наброски «дедукций», а именно описание политического (касающегося вопросов разделения и передачи власти), морального и психологического применения разработанной Кожевом теории.

Для Кожева власть есть сознательное и свободное действие (либо возможность такого действия), имеющее социальный характер, исключаящее негативную реакцию (противостояние) на него со стороны тех, на кого оно направлено (обладающих тем не менее возможностью такой реак-

ции), и не предполагающее изменения самого властного деятеля.

Кожев настаивает на том, что властное действие не имеет ничего общего с применением силы, что означало бы уже некоторое изменение того, кто это действие реализует. Тот, на кого власть направлена, подчиняется ей сознательно и добровольно, признаёт её, что исключает какое-либо противодействие власти (в том числе и словесное: «Приказы не обсуждаются!»), однако возможность такого противодействия всегда имеется; но от неё отказываются, поскольку её реализация разрушила бы власть. Из этого следует, что власть по своему определению легитимна: власть либо признаётся, либо её вообще нет.

Тем не менее, поскольку возможность противостояния власти (или её разрушения) всё же имеется, то властная деятельность содержит в себе элемент риска. В связи с этим необходимо некоторое «оправдание» власти или её причина, которая бы обосновывала необходимость подчинения. Другими словами, под причиной власти Кожев понимает способ её легитимации. Рассматривая такие причины, Кожев переходит к феноменологии власти, или к описанию «чистых», не сводимых к другим видам (типов) её проявлений.

Таких типов Кожев выделяет четыре: власть Отца над Ребёнком (или «творца» над своим «творением»), Господина над Рабом, Вождя над Толпой (или вышестоящего над нижестоящим), власть Судьи. Этим четырём типам власти соответствуют четыре «теории»: теологическая (Отец), гегелевская (Господин), аристотелевская (Вождь) и платоновская (Судья). Рассмотрим теперь каждую из этих теорий.

Теологическая (или схоластическая) теория придаёт любой власти божественный характер. Это означает, что отсутствует даже возможность какой-либо реакции против такой власти. Она невозможна в силу того, что Бог является Творцом, т. е. причиной мира и человека. Соответственно «следствие» не может реагировать на «причину», а это значит, что человек признаёт божественную власть над собой. Также и другие варианты власти

Отца (как и Бога-творца) сводятся к детерминирующему характеру такой власти: власть старшего поколения над младшим, власть традиции и т.п. Как видим, обоснованием или способом легитимации власти Отца является Причина.

Следующая, гегелевская теория власти описывает власть Господина (над Рабом). Господство рождается в «борьбе за признание», где победитель, преодолевший животный страх смерти, рискующий собственной жизнью ради признания своего человеческого достоинства, становится Господином, а проигравший, отказавшийся от свободы ради сохранения жизни, – Рабом. Раб отказывается противодействовать власти Господина, поскольку это несёт угрозу его жизни. Т.о., причиной власти Господина, или Победителя, примерами которой могут быть власть дворянина над простолюдином, военного над штатским, является Риск.

Теория Аристотеля объясняет нам ситуацию власти Вождя. Этот тип власти возникает тогда, когда в некоторой социальной группе появляется «лидер» или тот, кто (как считает Кожев) способен лучше других предвидеть какие-то события и создавать соответствующие обстоятельства проекты действия. Остальные члены группы, соглашаясь с ним и не становясь в оппозицию, признают его власть (как Вождя). Основанием власти Вождя, вариантами которой являются власть вышестоящего над нижестоящим, учителя над учеником, власть учёного или пророка, выступает Проект.

Наконец, в платоновской теории рассматривается власть Судьи. Судья – это тот, кто беспристрастно и объективно судит имеющееся положение дел, тот, кто справедлив. Тем самым основанием личного авторитета Судьи (арбитра, цензора), а следовательно, и порождаемой им власти является Справедливость.

На этом мы закончим наш обзор феноменологии власти и перейдём к наброску метафизического анализа феномена власти, предлагаемому Кожевом.

Для кожевовского понимания метафизики характерно то, что он, следуя Гегелю, разделяет мир на две «части» – Природу и Историю (человеческий мир), ко-

торые вместе составляют «Бытие-Человек-в-Мире». Природа – это самотождественное, само себе идентичное «в-себе-бытие», лишённое подлинного движения и развития, или «недиалектичное». Человек же соответственно есть диалектическое отрицание, негация этого природного бытия, или Действие. И если метафизически природа представлена как Пространство, то человек – это «метафизическая манифестация» Времени.

Соответственно власть, будучи феноменом человеческой (или социальной, исторической) реальности, имеет своим метафизическим основанием Время. Кожев выделяет три «модуса» времени – прошлое, настоящее и будущее, которым противостоит Вечность как отрицание Времени (или оппозиция временному).

Прошлое обладает властью не само по себе, но в той исторической форме, в которой оно проявляется в человеческом мире, – в форме традиции. Из этого становится понятным, почему власть Отца – это власть «традиции» (или, по Аристотелю, «материальной» причины).

Настоящее постольку обладает властью, поскольку оно «содержит» в себе прошлое (как причину) и будущее (как следствие). В плане человеческой деятельности это означает, что оно проявляется как действие (имеющее основание в прошлом – традицию – и предполагающее какие-то следствия в будущем). Если действие представляет собой изменение, а «в предельном случае – выступает как деятельное уничтожение бытия»³, то оно связано с Риском («действующей» причиной), который и является основанием власти Господина.

Из сказанного становится ясно, что власть будущего – это власть проекта, «замысленного в настоящем и в виду будущего на основе знаний о прошлом»⁴. Как мы помним, Проект – это причина («целевая») власти Вождя.

Наконец, вечность также обладает властью, противостоящей другим её формам, имеющим темпоральное основание. Власть вечности проявляется в тех действиях, точнее, в их отсутствии – «незаинтересованности», «беспристрастности», которые противостоят другим типам властных действий, и

опирается при этом на некие «вечные принципы», остающиеся всегда неизменными. Одним из таких принципов является Справедливость, т. к. справедливый приговор, например, остаётся таковым «навечно». Соответственно Справедливость – это «формальная» причина власти Судьи.

Что же касается онтологического анализа феномена власти, то Кожев намечает его лишь в самых общих чертах. Каждая из объясняющих определённый тип власти теорий опирается на собственную онтологию. Для полного же объяснения необходима интегральная онтология, частями которой могли бы стать «фрагментарные» онтологии указанных теорий. Так, например, онтологическим основанием власти Отца может являться положение о *causa sui*, самой себя порождающей причине, взятое из схоластической теологии; власть Господина может быть выведена из гегелевской теории негативности (диалектического отрицания); идеи Аристотеля об «уме»-Нусе могли бы обосновать власть Вождя; учение Платона о «вечных и неизменных» идеях может стать онтологическим фундаментом власти Судьи. Онтология, учитывающая все эти «фрагменты реальности», могла бы, как считает Кожев, полностью объяснить феномен власти, исходя из самой структуры Бытия (а также подтвердить правильность метафизического анализа и полноту феноменологического). Кожев, со своей стороны, ограничивается только указанием на программу разработки такой онтологии.

На этом мы завершим обзор предложенной Кожевом в «Понятии власти» концепции и прокомментируем её.

Эта концепция представляет интерес не столько как попытка полного и систематического исследования феномена власти (к которой она в общем-то не является, что отмечает и сам Кожев), сколько в плане самого подхода к рассматриваемому феномену. Этот подход не проговаривается Кожевом, хотя и может быть выведен из его интерпретации гегелевской философии – интерпретации по преимуществу антропологической.

Развивая основные положения своего курса по «Феноменологии духа» Гегеля

(1933–1939), Кожев в «Понятии власти» сосредоточивается уже на теме власти. На первый взгляд может показаться, что Кожев пытается построить некую «метафизику» или «онтологию», всеобъемлющую «философию власти». На это указывает и сама структура работы, включающая «аналитическую» часть, имеющую три уровня (феноменологический, метафизический и онтологический), и «дедуктивную», состоящую из «практических приложений». Однако сам Кожев неоднократно оговаривается, что его работа является лишь наброском и не претендует на какую-либо «всеохватность». К тому же большая часть исследования посвящена как раз феноменологическому уровню, то есть описанию «наличного существующих» видов власти, её конкретной типологии в то время как о метафизическом и особенно онтологическом уровнях лишь сделаны замечания самого общего порядка. В связи с этим стоит указать и на некоторую схематичность и, возможно, произвольность теории Кожева, о чём говорит, например, строго выдержанная тетрадная структура типов, теорий и оснований власти.

Итак, понимание Кожевом феномена власти является прежде всего антропологическим. Кожев строит, если угодно, своеобразную антропологию власти, что наиболее отчётливо видно как раз на уровне феноменологического анализа, соотносящегося с явлениями человеческой реальности. Кожева мало интересуют институциональная сторона власти, процедуры её реализации и функционирование политических институтов. Даже единственный политологический вопрос, вызывающий интерес у Кожева – проблема передачи власти, – решается им чисто теоретически и без обращения к конкретной политической практике. Сама же власть рассматривается Кожевом как некоторое экзистенциальное отношение, возникающее между людьми двух типов: подчиняющим, или реализующим властное действие, и подчиняющимся, или бездействующим, добровольно принимающим подчинение другому. Выделяемые Кожевом четыре типа власти получают своё название от соответствующих соци-

альных фигур: Отца, Господина, Вождя и Судьи. Власть всегда возникает как отношение между людьми; можно даже сказать, что власть – это феномен по преимуществу экзистенциальный, или эмоционально-волевой, что хорошо видно на примере диалектики Господина и Раба, описанной Гегелем и ставшей основанием кожевовской интерпретации «Феноменологии духа».

Так, Раб и Господин встречаются «лицом к лицу» со смертью, переживают «ужас и страх», т.е. получают опыт пограничного состояния между жизнью и смертью. Причиной этому является т. н. «борьба за признание», в результате которой один подчиняется (желая сохранить свою жизнь), а другой подчиняет (преодолев страх смерти).

Но и происхождение других типов власти можно в конечном итоге свести к тому, что Кожев считает одной из определяющих характеристик человека как такового, – это «факт принятия собственной конечности», или осознание себя как смертного существа. Ведь если обратиться к метафизическому уровню, на котором Кожев проводит темпоральный анализ выделенных им типов власти, то можно увидеть следующее. Являющееся, например, причиной власти Господина Настоящее – встреча со смертью «лицом к лицу», «здесь и сейчас» – это непосредственный опыт переживания человеком собственной конечности. Будущее, основание власти Вождя – это в темпоральном смысле «ожидание» смерти, из неминуемого столкновения с которой вытекает необходимость создания некоего Проекта, реализация которого «отсрочит» смертельный исход (иллюстрацией здесь может служить пример власти офицера над солдатом, одного из вариантов власти Вождя, когда приказ «В атаку!» – это не просто «смертельный риск», но и обдуманное тактическое решение, одна из целей которого – минимизировать человеческие потери). Случай власти Отца, временным основанием которого является Прошлое, также может быть проинтерпретирован подобным образом. Отец, или «творец», делает из осознания факта собственной конечности вывод о необходимости «сохранения и продолже-

ния» себя в своём Ребёнке («творении»). С другой стороны, Ребёнок принимает власть Отца как власть «породившего» его начала, как Причину собственного существования. Соответственно власть Отца над Ребёнком основана на знании человека о своей смертности через прошлое, через совершённый Отцом акт порождения. Наконец, власть Судьи, или Вечности, – это попытка преодоления смерти, противопоставление временной и конечной жизни чего-то «бесмертного» – справедливого приговора или объективного решения, беспристрастного и «игнорирующего» индивидуальные цели «смертных» существ.

Подводя итог, можно сказать, что фигуры Отца, Господина, Вождя и Судьи – это фигуры действительно экзистенциальные, или, другими словами, осуществляющие 1) эмоциональное принятие факта собственной смертности и 2) деятельно-волевое усилие по его преодолению, выражающееся, в частности, во властном действии, или, по Кожеву, в ситуации свободного подчинения авторитету (Отца, Господина, Вождя, Судьи). Такая трактовка феномена власти оказывается антропологической, поскольку исходит из понимания власти как специфического (экзистенциального) отношения между людьми, при котором его институциональное оформление играет вторичную роль.

Подобная радикализация антропологического аспекта в осмыслении феномена власти может показаться искажением реального положения дел. Однако этот «антропологизм» понимается Кожевом специфическим образом: речь здесь идёт не столько о философской антропологии в общепринятом смысле, сколько об антропологии в её экзистенциалистской интерпретации, близкой хайдеггеровскому пониманию человека как «бытия-к-смерти». Такая позиция противостоит позитивистской тенденции в объяснении как человеческой реальности в целом, так и от-

дельных её моментов (например, темы власти), рассматривая эти проблемы на глубинном, онтологическом уровне.

С другой стороны, говоря о кожевовской концепции власти, нужно учитывать не только философский, но ещё и исторический контекст. Кожев работал над «Понятием власти» весной 1942 года, при этом принимая активное участие в деятельности французского Сопротивления. Возможно, что именно определённая политическая ситуация – оккупация Франции немецкими войсками – и заставила его взглянуть на власть как на феномен прежде всего экзистенциальный (по Кожеву, «антропологический»). Ведь война и есть та сила, которая ставит человека перед угрозой смерти – «открывает ему его собственную конечность». В той самой борьбе «не на жизнь, а на смерть», в которой один становится Господином, а другой Рабом, как раз и обнаруживается, что власть, или отношение господства и подчинения, возникает из столкновения человека со смертью, являясь при этом своего рода «ответом» ей.

Исходя из сказанного, можно сделать следующий вывод. Философско-политическая концепция Кожева может быть применена скорее к описанию «экстремальных» случаев возникновения и функционирования властных отношений (война; нестабильная политическая ситуация в целом) в связи с тем, что она не учитывает «административный» аспект власти или её непосредственное осуществление («в мирное время»). Тем не менее подход Кожева заслуживает внимания по причине того, что феномен власти рассматривается в нём на уровне фундаментальных оснований человеческого бытия.

¹ См., напр.: Зекрист Р.И. Концепция власти А. Кожева // Филология и культура. 2012. № 2(28). С. 253–258.

² Кожев А. Понятие власти. М., 2006. С. 10.

³ Кожев А. Понятие власти. М., 2006. С. 87.

⁴ Кожев А. Понятие власти. М., 2006. С. 85.